

А.А. ВЕРШИНИН

МАРСЕЛЬ КАШЕН: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛИСТА (1914–1920 годы)

На протяжении последних 50 лет в отечественной историографии сложилось определенное представление о событиях, сопровождавших становление в странах Европы коммунистических партий, и роли отдельных личностей в этом процессе.

Знаковой фигурой во Франции долгие годы был видный лидер Французской коммунистической партии (ФКП), многолетний редактор газеты "Юманите" Марсель Кашен. Он стал "крестным отцом" компартии и проделал с ней долгий, тернистый путь от полуполигальной закрытой организации до крупнейшей в стране массовой партии. В вышедшей в свет в 70-е годы работе В.И. Антюхиной-Московченко¹, а также в других научных трудах и статьях советских историков² был создан хрестоматийный образ Кашена – борца за дело коммунизма, активного лидера молодой ФКП. Однако предшествующие факты его политической биографии оказались слабо затронутыми, не даны ответы на многие вопросы. В частности, что же определило эволюцию Кашена в сторону коммунизма? Почему человек, политически сформировавшийся в рамках довоенной партии СФИО, неоднократно выступавший с критикой большевиков с самого их прихода к власти, патриот Франции, в 1914 г. ярый сторонник войны до победного конца, в результате оказался в рядах Французской секции Коммунистического Интернационала? В чем состояла суть тех процессов, которые привели Кашена и всю партию к столь радикальной политической трансформации? Чтобы ответить на эти вопросы, следует рассмотреть большой комплекс проблем, сопровождавших процесс коренной перестройки французского социализма в годы Первой мировой войны и непосредственно после нее.

В советской историографии предпринимались попытки осветить этот аспект истории французского рабочего движения. Отечественные историки, а также ряд французских ученых-марксистов³ показали, как события Октября 1917 г. повлияли на настроение умов во Франции, дали оценку степени влияния революционных потрясений в России на политическую эволюцию французского социализма, обозначили важную роль Коммунистического Интернационала (Коминтерна) в процессе перестройки Французской секции Рабочего Интернационала – партии СФИО. Французские историки осветили вопросы, связанные с внутрипартийной борьбой в данный период, и влияние фракционных противоречий в ходе выделения из французского социализма коммунистической пар-

Вершинин Александр Александрович – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ.

¹ Антюхина-Московченко В.И. Марсель Кашен. М., 1973.

² Бантке С.С. Борьба за создание коммунистической партии Франции, ч. 1–2. М., 1936; Миронов Г.Н. Награда всей жизни (Марсель Кашен). – Ленинская гвардия планеты. М., 1967; Седых В.Н. Наследники коммуны (Марсель Кашен, Морис Торез, Вальдек Роше). М., 1967; *его же*. Жизнь, отданная рабочему классу: к 110-летию со дня рождения М. Кашена. – Рабочий класс и современный мир, 1979, № 5; Антюхина-Московченко В.И. Марсель Кашен – революционер ленинской школы. – Новая и новейшая история, 1970, № 1, 2, 4; История Франции, т. 3. М., 1973; Чернуха З.В. Становление Французской коммунистической партии. М., 1976.

³ Ferrat A. Histoire du parti communiste français. Paris, 1931; Фревилль Ж. Рождение Французской коммунистической партии. Съезд в Туре. М., 1951.

тии⁴. Значительное внимание они уделили роли отдельных личностей в процессе становления ФКП, однако оценивали они ее иначе, чем советские ученые. В частности, М. Кашен в их изображении часто предстает конъюнктурщиком без четких принципов, умело использовавшим внутрипартийную борьбу для укрепления своих собственных позиций.

Эта точка зрения лежит в одном русле с общей концепцией образования Французской коммунистической партии, изложенной А. Крижель⁵, считавшей возникновение ФКП событием в значительной степени случайным и спровоцированным извне. Такая позиция, впрочем, равно как и апологетическая точка зрения ряда советских специалистов, представляется однобокой. Упрощенное видение эволюции лидеров французского социализма не только искажает их реальную роль в изучаемых событиях, но и не дает возможности объективно рассмотреть те процессы, которые шли в это время в недрах партии. Сегодня в распоряжении историка имеется обширный материал, позволяющий по-иному подойти к исследованию этой проблемы на примере идейно-политической эволюции Кашена. В архивах Коммунистического Интернационала хранятся многочисленные документы, проливающие свет на события 1919–1920 гг. и позволяющие в ином свете рассмотреть его роль в процессе перестройки французского социализма. Весьма ценны в этом смысле и материалы архивных фондов французской полиции, где собраны обширные личные досье на всех руководителей французского социализма. Они дают возможность более подробно проанализировать роль Кашена в бурных событиях 1914–1920 гг. и показать, какое влияние оказывал ход внутренней борьбы в партии на эволюцию его политических взглядов. Изучение этих проблем позволяет по-новому осветить один из важнейших этапов политической биографии Кашена и основные вехи развития французского социализма в период с 1914 по 1920 г., начало которого связано с объявлением Первой мировой войны, вызвавшей к 1916 г. первый серьезный кризис политической идентичности СФИО, а его окончание – с событием, ставшим завершением этого кризиса – образованием Французской коммунистической партии.

* * *

Марсель Жиль Кашен родился в 1869 г. в Бретани в крестьянской семье. Получив хорошее среднее образование, он в 1889 г. поступил в университет г. Бордо на философский факультет. В 23-летнем возрасте Кашен вступил во Французскую рабочую партию (ФРП) Жюля Геда и Поля Лафарга – одну из первых организаций социалистического толка во Франции. Политическая деятельность молодого социалиста явилась причиной его исключения в 1895 г. из списка соискателей университета Бордо, претендовавших на степень доктора философии⁶. Это окончательно определило судьбу Кашена. К концу XIX в. он становится активным членом ФРП, занимавшимся пропагандой идей социализма в департаменте Жиронда. В это время он формируется как политик. Выходец из среды бретонских крестьян, в ранней молодости ревностный католик, до 16 лет исправно посещавший церковь⁷, Кашен меняет свою идеологическую ориентацию и превращается в поборника идей социализма в его гедистском варианте.

Гедизм являлся политической платформой ФРП, в основе которой лежали базировавшиеся на марксизме идейные воззрения основателей партии – Ж. Геда и П. Лафарга. Их фундаментом был постулат о необходимости четкого следования курсу на пролетарскую революцию и в конечном счете о приходе к коллективной собственности на сред-

⁴ Fauvet J. Histoire du parti communiste français. Paris, 1964; Robrieux P. Histoire intérieure du parti communiste, t. 1. Paris, 1980; Martelli R. Communisme français: histoire sincère du PCF, 1920–1984. Paris, 1984; Courtois S., Lazar M. Histoire du parti communiste français. Paris, 2000.

⁵ Kriegel A. Aux origines du communisme français, 1914–1920. Paris, 1964.

⁶ Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français, v. XXI. Paris, 1984, p. 11.

⁷ Ibid., p. 12.

ства производства. Из всех многочисленных групп социалистического толка, появившихся во Франции в конце XIX в., гедисты наиболее последовательно придерживались идей К. Маркса и считали себя хранителями марксистской ортодоксии⁸. Однако, как метко подметил в своей работе по истории гедизма К. Виллар, «в самой ФРП марксистское ядро часто было окружено более или менее плотным слоем "пустой породы"»⁹. Теоретическая основа деятельности партии была выражена весьма слабо. Ее доктринальные положения, как правило, выявлялись в ходе пропагандистской и воспитательной работы. Слабостью теоретического базиса во многом объяснялась противоречивость практической деятельности гедистов. Бросаясь из крайности в крайность, после первых же побед на муниципальных выборах они от изначальной жесткой установки на пролетарскую революцию быстро эволюционировали в сторону признания эффективности парламентского пути прихода к власти. Категорический отказ от сотрудничества с классово чуждыми политическими силами сменился практикой заключения предвыборных соглашений с партиями самого широкого спектра. Неизменными оставались лишь ядро идейной платформы гедистов – последовательный антикапитализм – и идеал будущего социалистического общества, который они представляли себе крайне расплывчато и под которым понимали прежде всего уничтожение всякой эксплуатации и создание предпосылок для перестройки социума на гуманистических началах. Арсенал средств для достижения этой цели непрерывно обновлялся, в зависимости от конкретной исторической ситуации.

Именно в таких условиях формировался политический облик Кашена. Изначально он позиционировал себя как ярко выраженный практик; в 1890-х годах неоднократно принимал участие в предвыборных кампаниях гедистов Бордо, в том числе в 1896 г., когда ФРП в стремлении повысить свои шансы на победу выставила общие списки с роялистами. Основной деятельностью Кашена стали пропаганда и агитация. В ходе многочисленных выступлений и поездок он неизменно обличал пороки капиталистического общества, обращаясь при этом к самым широким социальным слоям французской провинции. Его деятельность на этом направлении выходит на качественно новый уровень, когда в 1905 г. все социалистические группировки Франции объединились в единую Французскую секцию Рабочего Интернационала – партию СФИО.

В новой организации Кашен становится делегатом постоянного административного комитета партии, ответственным за пропаганду. Отныне вся его жизнь проходит в бесчисленных поездках по стране. Он принимается за работу сразу и с полной самоотдачей. Страницы его дневников за 1906 г. пестрят названиями посещенных им населенных пунктов и департаментов. На местах Кашен вникал во все подробности провинциальной жизни, вплоть до того, какую прессу читает местный мэ¹⁰. И рефреном повторял одну и ту же мысль: капитализм – это основная причина всех пороков современного общества. В своих пламенных речах он обращался к широким слоям французской провинции – крестьянам, мелким лавочникам, интеллигенции, пытаясь поднять их на борьбу с несправедливостями буржуазного строя. Для него было не столь уж важно, что его пропагандистская деятельность в основном осуществляется в ходе предвыборных кампаний; необходимость улучшения положения трудящихся виделась ему, как правило, в рамках существующего строя, а тема пролетарской революции поднималась лишь эпизодически. Для гедиста Кашена главным врагом являлся капитализм, и для борьбы с ним все средства были хороши. Конечным идеалом было построение социалистического общества в его марксистском варианте, а конкретные способы его достижения могли варьироваться в зависимости от практической необходимости. Как часто повторял Кашен,

⁸ Об этом подробнее см. *Виллар К.* Социалистическое движение во Франции (1893–1905) (гедисты). М., 1969.

⁹ Там же, с. 212.

¹⁰ *Cachin M.* Carnets 1906–1947, t. 1–2. Paris, 1993–1998; t. 1, p. 52.

"гедизм для меня – прежде всего инструкция по практической реализации марксистских идей"¹¹.

В 1912–1914 гг. Кашен становится одной из центральных фигур в руководстве СФИО. В это время он начинает выступать на страницах центрального печатного органа партии газеты "Юманите", избирается муниципальным советником Парижа, а в 1914 г. – депутатом нижней палаты французского парламента. К моменту избрания в палату депутатов Кашену 45 лет. Это уже полностью сложившийся политик с вполне оформившейся системой взглядов. Однако Первая мировая война, в которую Франция вступила 3 августа 1914 г., положила начало процессу его коренной идейно-политической трансформации.

Летом 1914 г., когда призрак войны уже витал в воздухе, французские социалисты были полны решимости не допустить ее. На многотысячных митингах с антивоенными речами выступал главный трибун и пацифист партии Жан Жорес. Кашен также оказался в авангарде борьбы против военной угрозы. «Насквозь пропитанный национализмом господин Пуанкаре¹², – писал он на страницах "Юманите", – всегда оставался надежным орудием в руках тех, кто олицетворяет собой самое худшее в глазах пролетариата. Он всегда был адвокатом хищников всех мастей, а сегодня оказался представителем самого безответственного милитаризма, царизма, надеждой шовинистов и вояк»¹³.

31 июля 1914 г. сторонник ультра националистической роялистской организации "Аксон Франсэз" застрелил Жореса, являвшегося знаменем оппозиции войне, а уже через несколько дней загромыхали орудия. Франция подверглась агрессии со стороны Германии, своего давнего врага.

Для французских социалистов эта война сразу стала не просто справедливой борьбой за защиту Отечества. Ничто не претило им так, как имперский прусский милитаризм, враг демократии и республиканизма, неразрывно связанных для них с идеалом будущего социалистического общества. И они сделали свой выбор. 24 августа видные члены руководства соцпартии, в том числе Ж. Гед и М. Самба, вошли в состав так называемого правительства Священного единения, а их коллеги в парламенте проголосовали за военные кредиты. Во всем этом не было ничего удивительного. Гедистская политическая традиция, несмотря на прямое противоречие с тем, что говорилось в программных установках самой Рабочей партии, часто обращалась к идеям патриотизма и защиты Отечества¹⁴. В конце XIX в. это зачастую было связано с необходимостью расширить электоральную базу партии, но в 1914 г. социалисты не просто стремились сохранить свою популярность в массах, они считали, что под угрозой оказались сами основы, на которых зиждился их идеал будущего социалистического общества.

За своей партией последовал и Кашен. 4 августа 1914 г. он проголосовал в поддержку военных кредитов, а вскоре возглавил патриотический комитет по обеспечению Парижа продовольствием¹⁵. Как муниципальный советник столицы, он занимался целым комплексом вопросов – от организации бесперебойного функционирования транспорта¹⁶ до снабжения жителей столицы продуктами питания¹⁷. Заслуги Кашена на этом поприще были оценены правительством: в начале 1917 г. даже рассматривалась возможность назначения его министром продовольствия в кабинете радикала Рибо¹⁸. "Добрый патриот", – так отозвался о Кашене образца 1914–1917 гг. премьер-министр Франции Ж. Клемансо¹⁹. Этот имидж прочно закрепился за будущим лидером ФКП. 23 марта

¹¹ Ibid., p. 60.

¹² Раймон Пуанкаре в 1913–1920 гг. занимал пост президента Третьей республики.

¹³ L'Humanité, 16.VI.1914.

¹⁴ Виллар К. Указ. соч., с. 247.

¹⁵ Cachin M. Op. cit., t. 1, p. 709.

¹⁶ Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires, v. 148. Paris, 1915, p. 678.

¹⁷ L'Humanité, 27.III.1917.

¹⁸ Cachin M. Op. cit., t. 2, p. 39.

¹⁹ Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires, v. 154. Paris, 1918, p. 34.

1915 г. он написал в "Юманите": "Этот конфликт (мировая война. – А.В.) может быть разрешен только на поле битвы. Необходимо еще одним героическим усилием изгнать захватчика"²⁰. Ежедневной работой на благо Франции Кашен вносил свой вклад в победу над германским милитаризмом.

Война затягивалась. Она начала терять свой патриотический и идейный ореол, и к концу 1915 г. в недрах СФИО, официально по-прежнему придерживавшейся курса на Священное единение, обозначились силы, выступавшие против ее продолжения. На крайне левом фланге оформился так называемый Комитет за возобновление международных связей. Его представители являлись сторонниками решений Циммервальдской (сентябрь 1915 г.) и Кинтальской (апрель 1916 г.) конференций социалистических партий воевавших стран, призвавших социалистические партии Европы выйти из состава буржуазных правительств и отказаться от вотирования новых военных кредитов. Во главе Комитета находился член СФИО Ф. Лорио. На более умеренных позициях стояли сторонники постепенного отхода от политики Священного единения, выступавшие за открытое объявление о справедливых целях войны, отказ от аннексий и контрибуций, оказание давления на правительство с целью поисков возможных путей заключения справедливого мира. Костяк этой группировки составляли социалисты столичного департамента Сены во главе с видными членами руководства СФИО Ж. Лонге и П. Фором. Печатным органом лонгетистов стал основанный в мае 1916 г. еженедельник "Попюлер де Пари". Наконец, правый фланг занимало партийное руководство, поддерживаемое большинством региональных отделений СФИО и не собиравшееся менять курс на поддержку Священного единения. Рупорами правого крыла были П. Ренодель, А. Тома, М. Самба и Ж. Гед.

Начиная с XII съезда СФИО, прошедшего в декабре 1915 г., между правым и левым флангом французского социализма развернулась полномасштабная борьба по вопросу о продолжении войны. На первых порах она шла не на равных: лонгетисты и циммервальдовцы на всех партийных форумах получали меньшинство голосов, тогда как позиция руководства находила одобрение большинства. В числе сторонников Священного единения был и Кашен. На состоявшемся в августе 1916 г. национальном совете СФИО он подверг меньшинство обстоятельной критике. "Нам говорят, – заявил он с трибуны конференции, – что мы отошли от социализма, что мы его предали... Нам больно слышать, как нам вменяют подобного рода обвинения... Разве сам Маркс не говорил, что насущной задачей народов является защита своей независимости? И сегодня можно констатировать, что французы, верные этим словам, сумели спасти свою Родину"²¹.

Между тем популярность антивоенных лозунгов росла. Наиболее ярко это было видно на примере изменения соотношения сил внутри СФИО. Пацифистское меньшинство во главе с Лонге и Фором к концу 1916 г. значительно укрепилось. Рост влияния пацифистов вынудил лидеров СФИО смягчить свою позицию и заговорить о возможности справедливого мира. Точкой соприкосновения всех групп внутри соцпартии стало одобрение миротворческих предложений президента США В. Вильсона.

На протяжении двух лет войны Кашен являлся последовательным сторонником Священного единения и зарекомендовал себя стойким социал-патриотом. Однако к началу 1917 г. его позиция претерпела некоторую трансформацию, что отразилось прежде всего на изменении тематики его статей в "Юманите". Он отказался от свойственного ему в прошлом националистического тона и перешел к критике политики французского правительства в вопросе ведения войны. Кашен публично обличал методы французской дипломатии, деятельность которой была основана на секретных договоренностях и соглашениях; из-под его пера выходили статьи с призывами официально объявить о целях войны и перейти к открытым и прямым переговорам²². На собрании избирателей

²⁰ L'Humanité, 23.III.1915.

²¹ L'Humanité, 7.VIII.1916.

²² См. например: L'Humanité, 25.I.1917.

18-го округа Парижа 11 марта 1917 г. Кашен заявил: "В начале речь шла в первую очередь о защите страны, и мы, не колеблясь, делегировали в правительство наших товарищей – Геда, Самба и Тома... Однако теперь мы не можем присоединиться к курсу на превращение войны оборонительной в завоевательную"²³. Кашен начинал осознавать, что для французского правительства те идеалы, ради которых СФИО вошла в коалицию Священного единения, отходят на второй план, по сравнению с чисто империалистическими целями. В то же время он понимал, что массы утратили националистический энтузиазм первых лет войны. Постепенно позиция Кашена сблизилась с точкой зрения меньшинства Лонге. На полевание Кашена сильно повлияла и его поездка в революционную Россию в апреле–мае 1917 г. в составе делегации французской палаты депутатов.

В феврале 1917 г. в России пало самодержавие. Ввиду возможного в связи с этим выхода России из войны палата депутатов Франции в апреле 1917 г. отправила в Петроград делегацию в составе трех депутатов-социалистов: Э. Лафона, М. Муте и М. Кашена. Эмиссары должны были составить подробный отчет о событиях в России и постараться убедить Временное правительство и руководство Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в необходимости дальнейшего ведения боевых действий. Около месяца французская делегация провела в гуще российских революционных событий. Помимо Петрограда и Москвы парламентарии посетили линию фронта, где имели возможность выступить перед солдатами русской армии. Они неоднократно встречались с руководителями Петросовета, а также Временного правительства. Кашен воочию убедился в крахе царского самодержавия, которое французские социалисты обличали десятилетиями. Еще в Париже он подписал обращение членов парламентской фракции СФИО, в котором те приветствовали Февральскую революцию²⁴. Однако, приехав в Петроград, Кашен и его товарищи заняли весьма осторожную позицию.

Лидеры революционной России сразу заявили им, что воюющие страны Антанты должны солидаризироваться с делом русской революции и открыто заявить о справедливых целях войны, а социалисты – предпринять все возможное для оказания давления на свои правительства. Это заявление привело французских эмиссаров в смятение: одно дело писать в газетах о необходимости изменения отношения к войне, и совсем другое – связывать себя официальными обязательствами! "Их симпатии не клонились в эту сторону. Видно было, что они недостаточно оценивают влияние русской революционной демократии", – впоследствии писали об этом "Известия"²⁵.

Однако после первой же поездки по стране позиция Кашена и его товарищей претерпела существенные изменения. "Первый контакт с русской демократией наполняет нас всех самым глубоким чувством радости"²⁶, – 17 апреля сообщал в Париж Кашен, зараженный революционным энтузиазмом масс. Ему казалось, что на шестой части суши осуществились те самые идеи, за которые он боролся, восторжествовал социализм. 20 апреля 1917 г. он записал в своем дневнике: "То, что действительно поражает в этой революции, это центральное место, которое заняла в событиях социалистическая партия. В действительности именно она сейчас руководит Россией"²⁷. С позиции современного историка такие выводы выглядят, безусловно, спорными, однако Кашену представлялось, что революционная демократия в лице Советов действительно находится у власти в России.

Радость французских делегатов не была омрачена даже полными критики в их адрес выступлениями большевиков. «Кашен и его друзья, – писала 7 апреля 1917 г. "Правда", –

²³ Les Archives Nationales, fonds Panthéon, F7 15938/1. Доклад о собрании избирателей СФИО 18-го округа Парижа от 11 марта 1917 г.

²⁴ L'Humanité, 17.III.1917.

²⁵ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 4.V.1917.

²⁶ L'Humanité, 19.IV.1917.

²⁷ Cachin M. Op.cit., t. 2, p. 99.

принадлежат к числу самых ревностных защитников своего правительства. Это те люди, которые всеми средствами душат свою оппозицию, социалистов-интернационалистов... Кто принял Кашена и его коллег за апостолов международного братства, тот ошибся жестоко»²⁸. Кашен и сам в то время относился к большевикам без особого энтузиазма. "В тот день, – говорил он с парламентской трибуны 1 июня 1917 г., – когда мы увидели сопровождавшееся ликованием толпы возвращение Ленина, прибывшего из Германии в опломбированном вагоне...нас охватило полнейшее недоумение"²⁹. Это высказывание следует отметить особо. В 1917 г. партия большевиков ни у Кашена, ни у его товарищей по СФИО не вызывала никаких симпатий. Для них это была прежде всего группировка, выступавшая за сепаратный мир с Германией. Ни в каком другом отношении эта, как тогда казалось маргинальная, организация их не интересовала. Пройдет еще не один месяц, прежде чем лидеры французского социализма коренным образом пересмотрят отношение к большевикам.

Поездка в Россию, на что указывает и В.И. Антюхина-Московченко³⁰, стала определяющим событием для политической эволюции Кашена. Он вернулся оттуда убежденным сторонником изменения официальной позиции СФИО по отношению к войне. По настоянию Кашена 1 июня 1917 г. палата депутатов заслушала отчет вернувшихся из России делегатов за закрытыми дверями. Основной доклад делал Кашен. Он еще раз повторил, что смотрит с "величайшей надеждой на революционные события в России и на их перспективу"³¹.

В конце мая 1917 г. состоялся Национальный совет СФИО. На нем Кашен призвал свою партию принять участие в созываемой в Стокгольме по инициативе руководства Петроградского Совета международной конференции секций II Интернационала с участием немецких и английских социал-демократов. В ходе этой конференции предполагалось прийти к общей точке зрения по вопросу о целях войны и выступить с совместным заявлением о необходимости объявления этих целей и подписания справедливого мира³². Кашену казалось, что такой шаг французской дипломатии мог бы способствовать изменению характера войны, становившейся, как он считал, все более и более захватнической. Во многом благодаря его доводам СФИО большинством голосов приняла решение отправить своих представителей в Стокгольм.

Кашен всей душой приветствовал бы победу Франции над прусским милитаризмом, старым врагом республиканизма и демократии, но эта победа не должна была стать триумфом одного империализма над другим. Кашен видел в ней торжество идеалов справедливости, которые в будущем явятся провозвестниками социализма. Он никогда не разделял перспективу победы демократической Франции над милитаристской Германией и вопрос о будущем социализма. Вот как он объяснял свою позицию на страницах "Юманите": "В течение трех лет войны Франция следовала за царским правительством. Неужели теперь она откажется присоединиться к делу Русской революции? ...И мы, никогда не отделявшие вопрос о будущем Франции от проблемы перспектив социализма, заявляем теперь, что задача сегодняшнего дня совершенно ясна"³³. Сохранение социалистических идеалов через спасение республиканской Франции – вот лейтмотив всех выступлений Кашена.

Последним фактором, повлиявшим на политическую трансформацию будущего лидера ФКП, явился разрыв СФИО с курсом на Священное единение и выход ее представителей в сентябре 1917 г. из состава кабинета министров, обусловленный отказом пра-

²⁸ Правда, 7.IV.1917.

²⁹ Chambre des députés. Compte rendu in extenso. Comités secrets des 16 juin, 21, 28 novembre 1916, 25 janvier, 14 mars, 25 mai, 1, 29 juin, 16 novembre 1917. Paris, 1933, p. 499.

³⁰ См. Антюхина-Московченко В.И. Марсель Кашен, с. 56.

³¹ Chambre des députés. Compte rendu in extenso. Comités secrets des 16 juin, 21, 28 novembre 1916, 25 janvier, 14 mars, 25 mai, 1, 29 juin, 16 novembre 1917. Paris, 1933, p. 499.

³² L'Humanité, 28.V.1917.

³³ L'Humanité, 1.VI.1917.

вительства выдать французским социалистам выездные паспорта для поездки в Швецию для участия в Стокгольмской конференции. Партия стремительно левела, в ее руководстве усилились позиции меньшинства Лонге, а также все более уверенно оформлялось крайнее левое крыло во главе с Лорио. Кашен активно критиковал правительство, в состав которого больше не входили его товарищи по партии. "Новый кабинет не имеет достаточно авторитета, чтобы выполнить возложенную на него миссию. Если война продолжится (во что я, впрочем, не верю) и правительство не предпримет необходимых мер, Франция столкнется с перспективой полной разрухи и голода"³⁴, – заявил он на собрании 18-й секции СФИО 21 сентября 1917 г. По мере того как война в глазах лидеров социалистической партии теряла справедливый характер борьбы за свободу Отечества и фундаментальные принципы французской государственности, Кашен обращал острие своей критики против правительств, стремившихся реализовать чисто империалистические цели.

Настоящим "моментом истины" как для Кашена, так и для СФИО в целом стала Октябрьская революция в России, в результате которой к власти пришли большевики. Лидеры СФИО однозначно отрицательно отреагировали на события в Петрограде. "Юманите" назвала их "максималистской авантюрой"³⁵. Негодование в рядах французских социалистов вызвал взятый большевиками курс на прекращение боевых действий на фронте. 19 декабря "Юманите" опубликовала обращение парламентской группы СФИО к новому руководству России с призывом отказаться от сепаратного мира, который станет "моральной катастрофой" и приведет к непредсказуемым последствиям³⁶. Среди подписавших воззвание был и Марсель Кашен. На страницах "Юманите" он открыто протестовал против возможного заключения сепаратного мира. "Разве не обязаны социалистические партии стран-союзниц выразить коллективный протест против того, что подготавливается в России? Разве не должны они обратиться к социалистам нейтральных государств и заявить, что из подписываемого (в Брест-Литовске. – *А.В.*) договора неизбежно родятся новые войны?" – вопрошал Кашен на первой полосе центрального печатного органа партии³⁷. Что же касается пришедших к власти большевиков, то на фоне других заявлений французских социалистов, подвергших их шквальной критике в январе 1918 г. за разгон Учредительного собрания, формулировка Кашена звучала довольно мягко: "Мы не согласны с Лениным и Троцким по множеству вопросов"³⁸. В поддержку курса большевиков выступила лишь совсем небольшая фракция во главе с Лорио, группировавшаяся вокруг Комитета за возобновление международных связей. Тем не менее расхождение партии было налицо.

Несмотря на значительную трансформацию позиции большинства СФИО по вопросу о ведении войны, конфронтация в партии продолжалась. На повестке дня теперь стоял вопрос об отношении к русской революции и военной интервенции в Россию. Глубокие противоречия в СФИО в полной мере проявились на ее Национальном совете в конце июля 1918 г. П. Ренодель и его сторонники А. Тома и А. Компер-Морель выступили в поддержку вооруженной борьбы против узурпировавших власть большевиков, тогда как группировка Лонге высказалась категорически против. Кашен также считал, что интервенция недопустима. "Я все больше и больше склоняюсь к той точке зрения, – писал он жене 14 июля 1918 г., – что русские должны решать свои проблемы сами и нам не следует вмешиваться в их дела"³⁹. К большевикам Кашен относился немногим лучше, чем Ренодель, но сама идея вооруженного вмешательства в судьбу другого народа пред-

³⁴ Les Archives Nationales, fonds Panthéon, F7 15938/1. Доклад о собрании избирателей СФИО 18-го округа Парижа от 21 сентября 1917 г.

³⁵ L'Humanité, 10.XI.1917.

³⁶ L'Humanité, 19.XII.1917.

³⁷ L'Humanité, 1.I.1918.

³⁸ Les Archives Nationales, fonds Panthéon, F7 15938/1. Донесение полиции о выступлении Кашена в палате депутатов 11 января 1918 г.

³⁹ Ibid., fonds Cachin, 447AP/15.

ставлялась ему противоречившей духу демократии, она шла вразрез с теми принципами, на которых базировался французский социализм. Позже, в январе 1919 г., на одном из митингов Кашен скажет: "Какие бы преступления не вменяли в вину большевикам, французская социалистическая партия со всей решительностью будет противостоять вооруженной интервенции в эту страну, в первую очередь руководствуясь принципом, признающим за каждым народом право распоряжаться своей собственной судьбой"⁴⁰.

Итоги работы Национального совета показали, что сторонники Реноделя, выступавшие в поддержку интервенции в Советскую Россию, потерпели полное поражение. Их проект резолюции был отвергнут в пользу варианта, предложенного лонгетистами, в котором делался акцент на необходимость скорейшего прекращения войны, восстановление II Интернационала, а также подчеркивалась недопустимость вмешательства войск Антанты в гражданскую войну в России. В числе одобвивших переориентацию партии был и Кашен. Он порвал с группой Реноделя, однако сохранил весьма примирительный тон своих выступлений, постоянно заявляя о фактическом отсутствии серьезных разногласий между двумя течениями в партийном руководстве и о необходимости сохранения единства партии⁴¹.

К осени 1918 г. Кашен стал одним из наиболее активных сторонников нового курса партии по вопросу о войне и интервенции. Уже в сентябре начали циркулировать слухи, что он имеет все шансы сменить Реноделя на посту редактора "Юманите". По сведениям, имевшимся тогда в распоряжении французской полиции, на ближайшем съезде партии предполагалось утвердить двойное руководство центральным печатным органом СФИО в лице Лонге и Кашена⁴². Но к концу сентября кандидатура Лонге, фигуры слишком противоречивой, отпала. Информаторы французской полиции докладывали: «Лонге теряет поддержку для избрания в редакторы "Юманите", и теперь Кашен кажется наиболее вероятным кандидатом на этот пост»⁴³. 8 октября Лонге взял самоотвод, заявив, что не собирается претендовать на руководство "Юманите". Кашен же, по данным полиции, наоборот, был готов занять кресло главного редактора⁴⁴.

11 октября 1918 г. XV съезд СФИО с перевесом в 200 голосов избрал Кашена главным редактором "Юманите", несмотря на то, что бывшее большинство, недовольное "дезертирством" Кашена из своих рядов и выдвигавшее против него обвинения "морально-нравственного характера"⁴⁵, упорно отказывалось его поддержать. Еще до съезда они предлагали лонгетистам выдвинуть на этот пост любую другую кандидатуру. Рассматривались и варианты коллективного управления газетой⁴⁶. Но лонгетисты были непреклонны. Заседание затянулось до глубокой ночи. Лишь ранним утром удалось провести голосование и выбрать главного редактора "Юманите".

Очевидно, что за заменой руководства центрального печатного органа партии скрывались глубочайшие противоречия. Одновременно со смещением Реноделя съезд пере назначил секретариат СФИО, поставив на пост генерального секретаря молодого лонгетиста Л.-О. Фроссара. Триумф новоиспеченного большинства был полным. В его рядах оказался и Кашен. Было бы грубой ошибкой утверждать, что Кашен просто приспособился к новой политической конъюнктуре и поэтому выиграл. Он действительно идейно эволюционировал вместе с партией. Наибольшее влияние на трансформацию его взглядов, безусловно, оказала поездка в Россию в апреле 1917 г., где, как ему казалось, он увидел подлинное торжество революционной демократии и откуда он вер-

⁴⁰ Ibid., fonds Panthéon, F7 15938/1. Доклад полицейского комиссариата Роанна от 15 января 1919 г.

⁴¹ L'Humanité, 29.VII.1918.

⁴² Les Archives Nationales, fonds Panthéon, F7 15938/1. Донесение информатора полиции от 20 сентября 1918 г.

⁴³ Ibid. Донесение информатора полиции от 28 сентября 1918 г.

⁴⁴ Ibid. Донесение информатора полиции от 8 октября 1918 г.

⁴⁵ Ibid., fonds Panthéon, F7 16001/2. Доклад о ходе национального съезда СФИО от 11 октября 1918 г.

⁴⁶ Cachin M. Op.cit., t. 2, p. 295.

нулся убежденным сторонником заключения справедливого мира. К 1918 г. ему окончательно стало ясно, что поворот партии в вопросе о войне неизбежен.

"Все здесь оканчивается чумой"⁴⁷, голодом и большевизмом"⁴⁸, – именно так охарактеризовал Кашен положение Франции накануне победы, в конце октября 1918 г. И действительно, в социально-политическом плане важнейшим последствием четырехлетней войны стало резкое полевение значительной части французских социалистов. Собственно говоря, эта тенденция проявилась еще до Октябрьской революции в России, и укрепление в недрах СФИО крайне левой группировки сторонников восстановления международных связей было не чем иным, как важным ее признаком. Влияние сторонников Лорио росло на протяжении всего 1918 г. Все это время они проводили линию на противопоставление себя как большинству Реноделя, так и находившимся в то время в меньшинстве лонгетистам. Крайне левые были постоянным источником дестабилизации и без того трещавшей по швам партии. В то же время оживилось профсоюзное движение. В нем активизировались группировки анархо-синдикалистского толка. Все они выступали за революционное свержение буржуазного строя. Раскол в соцпартии продолжал углубляться и по линии отношения к большевикам, и по вопросу о восстановлении II Интернационала.

Международная организация социалистов была воссоздана в феврале 1919 г. на учредительном конгрессе в Берне. Его работа ознаменовалась острыми конфликтами в рядах французских социалистов, часть из которых во главе с Реноделем выступала с острой критикой большевиков, призывая к наращиванию интервенции. Их точка зрения встретила решительную оппозицию в лице представителей нового большинства, группировавшихся на конгрессе вокруг Лонге и Фроссара. Несмотря на то, что бернскому форуму в конце концов удалось прийти к компромиссу и отложить принятие ряда важных решений до следующего конгресса, стало очевидно, что начатая на октябрьском съезде СФИО 1918 г. ожесточенная фракционная борьба всего лишь перешла в новую фазу, но отнюдь не окончилась.

Участие в работе Бернского конгресса принимал и Кашен. Однако, по сравнению с громкими заявлениями его коллег по новому партийному большинству, выступления Кашена на заседаниях этого представительного международного форума были довольно умеренными⁴⁹. Он примкнул к позиции лонгетистов, выступил с декларацией, обвинявшей мировой империализм в развязывании войны, но, пытаясь сохранить партийное единство, воздержался от критики Реноделя и его сторонников. Обретенное в 1905 г. после слияния всех групп социалистического толка единство партии стало главной ценностью для целого поколения французских социалистов. Именно в своем единении они видели залог торжества тех идей, которые были прописаны в объединительной хартии 1905 г. Иными словами, будущее социализма во Франции было для них неотделимо от сохранения единства СФИО. Жесткая внутривнутрипартийная борьба поставила это единство под угрозу. Кашен был одним из тех, кто говорил об этом прямо. "И снова проявления партийных уклонений, резкая полемика, намеки и иногда даже хуже! Очевидно, моральное единство партии еще не скоро восстановится!"⁵⁰, – писал он в "Юманите". Редактор "Юманите" явно воздерживался от того, чтобы записать себя в один из противоборствующих лагерей. Он старался придерживаться нейтральной позиции, разумеется, насколько это было возможно в той конкретной ситуации.

В публичных выступлениях на митингах в феврале–марте 1919 г. Кашен практически не касался весьма болезненного вопроса о разногласиях внутри партии. В то время как Лонге, Фор, Фроссар и другие члены нового руководства СФИО на страницах "Популер" обличали Реноделя⁵¹, Кашен сохранял примирительный тон. Критикуя в своих ста-

⁴⁷ Под "чумой", вероятно, имелась в виду эпидемия гриппа "испанка" в 1918–1919 гг.

⁴⁸ Les Archives Nationales, fonds Cachin, 447AP/15.

⁴⁹ Стенограмму работы конгресса см. L'Humanité, 7–12.II.1919.

⁵⁰ L'Humanité, 27.XI.1918.

⁵¹ Le Populaire, 10,11,12.II.1919.

тях французское правительство, развязавшее интервенцию в России, он упорно не хотел сделать следующий шаг и вспомнить о тех, кто внутри самой СФИО поддерживал войну против большевизма. Вероятно, он не желал подливать масла в огонь внутрипартийной борьбы. Но занимать такую позицию становилось все сложнее.

Крайне левое крыло СФИО, группировавшееся вокруг Лорио, отказалось участвовать в работе Бернского конгресса, видя в нем возрождение организации, скомпрометировавшей себя в 1914 г. С ним солидаризировались левые внепартийные группировки. На этом фоне по-настоящему рубежным событием стало образование в Москве в марте 1919 г. III Коммунистического Интернационала. Для крайне левых это был сигнал к действию. 8 мая 1919 г. они создали Комитет III Интернационала, во главе которого встали Ф. Лорио, синдикалисты П. Монатт и А. Росмер, а также сотрудники "Полюлер" Б. Суварин, Р. Лефевр и П. Вайян-Кутюрье. В Москве консолидировавшимся левым оказывала поддержку так называемая Французская секция РКП(б) во главе с Ж. Садулем и А. Гильбо. Таким образом, на крайне левом фланге французского социализма оформилась фракция, поставившая своей целью создание во Франции коммунистической партии. Это сразу же изменило политический спектр внутри СФИО. Новое большинство во главе с Лонге, до сих пор часто претендовавшее на роль левой фракции в партии, теперь заняло центристскую позицию, а сторонники Реноделя окончательно эволюционировали вправо. Борьба в руководстве Французской социалистической партии разгорелась с новой силой.

Комитет III Интернационала быстрыми темпами набирал популярность. В середине апреля 1919 г. левые добились поддержки крупнейшей столичной федерации СФИО, высказавшейся на своем съезде за присоединение к Коминтерну. Со всей непримиримостью противостоявшие точки зрения столкнулись на внеочередном XVI съезде партии, открывшемся в Париже 20 апреля 1919 г. В центре дискуссий был вопрос об отношении к III Интернационалу. Несмотря на старания Лорио, правым и центристам удалось совместными усилиями принять резолюцию о дальнейшем участии СФИО в деятельности II Интернационала⁵². За нее голосовал и Кашен. В своих обширных комментариях о ходе работы съезда он делал особый акцент на необходимости сохранения единства партии и тщательно избегал любых политических оценок⁵³. Однако придерживаться тактики нейтралитета было все сложнее: внутрипартийная борьба часто становилась борьбой личностей. В одной из статей марта 1919 г. Кашен так отвечал на прозвучавшие со стороны Компер-Мореля упрёки в свой адрес: "Я не нуждаюсь в уроках Компер-Мореля, чтобы вести во Франции кампанию против русского большевизма и его сторонников, которой, как я полагаю, требуют интересы страны и само будущее пролетариата"⁵⁴. Он по-прежнему критически относился к большевикам, но его позиция в данном вопросе начала претерпевать некоторые изменения.

С зимы 1919 г. в ряде публичных выступлений Кашена появились высказывания в поддержку Ленина и его сторонников. В частности, именно Кашен одним из первых сравнил большевиков с якобинцами, а Октябрьскую революцию – с Французской конца XVIII в.⁵⁵ В марте 1919 г. на заседании палаты депутатов он выступил с яркой речью против интервенции в Советскую Россию. "Вы должны немедленно отозвать все ваши войска из европейской и азиатской части России... Вы должны признать советскую власть и возобновить дипломатические отношения с Россией"⁵⁶, – заявил он с парламентской трибуны. И все же говорить о его переходе на новые позиции в вопросе об отношении к большевизму можно лишь начиная со второй половины 1919 г., когда Кашен

⁵² L'Humanité, 24.IV.1919.

⁵³ L'Humanité, 20.IV.1919.

⁵⁴ L'Humanité, 22.III.1919.

⁵⁵ Les Archives Nationales, fonds Panthéon, F7 15938/1. Доклад полицейского комиссариата Роанна от 15 января 1919 г.

⁵⁶ Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires, v. 157. Paris, 1920, p. 1246.

снова баллотировался в палату депутатов по спискам столичной федерации департамента Сена.

В ряде публичных предвыборных выступлений, а также на страницах "Юманите" он подробно изложил свою политическую программу. Центральным местом его речей и статей стала тема приближающейся революции. На митинге в июле 1919 г. он заявил: "Мы живем в революционное время. Революция бушует в Германии, в Венгрии, в России... И мы во Франции тоже проведем необходимые перемены!"⁵⁷. Одновременно Кашен все активнее высказывался в защиту большевиков. "Русская революция, – говорил он, – сегодня в жесткой блокаде, она встречает на своем пути тысячи препятствий, но, тем не менее, фактом остается то, что этой великой страной уже полтора года управляют рабочие и крестьяне"⁵⁸. Наиболее характерным в этом смысле было его выступление на партийном съезде в сентябре 1919 г. "Русские революционеры, – заявил он, – могут ошибаться в методах, но они абсолютно верно выбрали цель, которая является также и нашей"⁵⁹. Эта фраза многое проясняет в сложной политической эволюции Кашена. Первые шаги советской власти показали, что большевики борются с капитализмом, тем извечным злом, которое гедисты обличали еще со времен Рабочей партии.

Предвыборная кампания еще сильнее обозначила раскол в рядах СФИО. Накануне Люцернского конгресса II Интернационала Кашен, лучше многих других понимая, чем в перспективе чреват разброд в рядах СФИО, писал: "В Люцерне мы доведем до конца наши энергичные усилия к взаимному примирению... Если сохранится сегодняшняя расстановка сил, последствия будут тяжелыми; если II Интернационал качнется вправо, он мертв. Если по русскому вопросу мы получим большинство, остается весьма вероятная возможность сближения с III Интернационалом"⁶⁰.

На Люцернском конгрессе, состоявшемся в августе 1919 г., стало абсолютно ясно, что позиции противоборствующих сторон по русскому вопросу непримиримы. Ренодель выступил с проектом резолюции, который, по словам Кашена, являлся не чем иным, как "ультиматумом" в адрес большевиков⁶¹. Реноделю противостояло консолидированное большинство СФИО с участием Кашена. В результате многочисленных дискуссий конгресс так и не пришел к единому мнению. Был принят весьма невнятный вариант резолюции, в котором парадоксальным образом сочетались антивоенные призывы большинства и пункты "ультиматума" Реноделя⁶². Это означало, что достичь единства партии так и не удалось.

Кашен по-прежнему призывал к диалогу всех партийных групп. Вернувшись из Люцерна, он написал в "Юманите": "Совершенно невозможно, чтобы и дальше сохранялось сегодняшнее состояние раскола, которое равным образом губительно для обоих течений в нашем Интернационале"⁶³.

Пока лонгетисты и Ренодель выясняли отношения в Швейцарии, левое крыло СФИО в рамках предвыборной кампании завоевывало все больше сторонников и укрепляло свое влияние. Таким образом, складывалась трудноразрешимая ситуация: правые во главе с Реноделем тянули партию во II Интернационал, левые – в Коминтерн, а между этими двумя полюсами находился колеблющийся и аморфный центр, без поддержки которого ни одна из фракций не могла одержать верх и который никак не мог определиться со своим отношением к будущему французского социализма.

Колебания центра повторял и Кашен. Фактически он уже давно, еще со времени своего назначения редактором "Юманите", примкнул к этой партийной группировке, хотя и

⁵⁷ Les Archives Nationales, fonds Panthéon, F7 15938/1. Доклад полицейского комиссариата Оденкура от 4 июля 1919 г.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ L'Humanité, 12.IX.1919.

⁶⁰ Cachin M. Op. cit., t. 2, p. 378.

⁶¹ Ibidem.

⁶² L'Humanité, 16.VIII.1919.

⁶³ L'Humanité, 12.VIII.1919.

продолжал демонстрировать свою нейтральную позицию, стремясь сохранить единство партии. "Наше единство, необходимое нам как никогда, будет сохранено, несмотря на все препятствия"⁶⁴, – писал он в "Юманите" 20 августа. Однако очевидно, что к этому времени Кашен серьезно эволюционировал влево. Возможно, уже тогда он пришел к мысли о том, что именно большевики предлагают тот формат развития международного социалистического движения, который сможет обеспечить дальнейший прогресс СФИО как партии французского рабочего класса. II Интернационал оказался полностью парализован борьбой течений; без ясности по русскому вопросу на части распалась СФИО. В это время большевики побеждали на фронтах гражданской войны и предпринимали первые шаги по построению основ социализма. Выбор в их пользу напрашивался сам собой, но часть партийцев, недовольных методами большевиков, никогда не пошла бы на соглашение с Москвой.

В ноябре 1919 г. Кашен вошел в новый состав палаты депутатов. Вместе с ним от Парижа в парламент были избраны наиболее известные лидеры левых – Р. Лефевр и П. Вайян-Кутюрье. Ни один из видных правых социалистов не сумел сохранить депутатское кресло. Несмотря на отдельные успехи, в целом СФИО потерпела на выборах поражение. Прирост голосов, по сравнению с другими партиями, был ничтожен, а число мест в парламенте существенно сократилось. Полную победу одержало объединение правых партий – Национальный блок, получивший свыше 2/3 мест в палате депутатов. Такой исход голосования лишь подстегнул внутривнутрипартийную борьбу в руководстве соцпартии. "Последние выборы и провал на них социалистической партии привели к объявлению фракциями войны друг другу. Гроза разразилась"⁶⁵, – писал в своем отчете в Москву эмисар Коминтерна во Франции Л. Ванини. Левые переложили вину за поражение на правых, правые – на левых. Центр разрывался фракциями на части. Становилось очевидно, что дальнейшие компромиссы маловероятны.

В обострившейся внутри СФИО конфронтации уже не могло оставаться нейтральных и неопределенных сторон. Правые множили свои атаки на центр, который в свою очередь, справедливо усматривая одну из причин поражения партии на выборах в двойственности ее отношения к русской революции и большевикам, похуже, решился наконец на крайний шаг. В начале 1920 г. ряд лидеров партии начали говорить о перспективе выхода из II Интернационала. В январе раскол СФИО был закреплен созданием партийных групп. В противовес уже действовавшему Комитету III Интернационала возникла группировка, консолидировавшаяся вокруг газеты "Ля ви сосьялист" и выступавшая против сближения с Москвой, за сохранение членства во II Интернационале. Ее возглавили Рендель и его соратники. Параллельно с ними центр образовал так называемый Комитет за реконструкцию Интернационала. Эта организация, возглавленная Лонге, Фроссаром и Фором, в своей программе⁶⁶ предложила партии выйти из II Интернационала. Таким образом, разложение французского социализма было институционально оформлено. СФИО готовилась к намеченному на конец февраля в Страсбурге, четвертому за последние 16 месяцев съезду.

Кашен все никак не решался формально присоединиться к одной из фракций. Ведь это означало положить конец его борьбе за партийное единство. В своих выступлениях он всячески обходил вопрос о будущем СФИО в составе II Интернационала и открыто не высказывался о возможности вхождения партии в Коминтерн. Его статьи были посвящены второстепенным вопросам. Кашен даже задержал публикацию проекта резолюции Комитета III Интернационала для Страсбургского съезда, за что получил порцию критики от Лорио⁶⁷. Кашен казался настолько пассивным, что его имя даже не фи-

⁶⁴ L'Humanité, 20.VIII.1919.

⁶⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 517, оп. 1, д. 16, л. 58.

⁶⁶ Le Populaire, 19.I.1920.

⁶⁷ L'Humanité, 23.II.1920.

гурировало в отчете эмиссара Коминтерна, подробно описавшего фракционные пристрастия всех видных руководителей СФИО⁶⁸.

В ходе работы открывшегося 25 февраля 1920 г. Страсбургского партийного форума редактор "Юманите" также не проявил активности. Он все еще колебался. Наконец, он все-таки решил присоединиться к группе за реконструкцию Интернационала, и от ее имени вошел в состав комиссии по выработке резолюций⁶⁹. С его участием было разработано принятое съездом итоговое постановление, согласно которому СФИО выходила из рядов II Интернационала, но в то же время декларировала свое стремление восстановить единство международного рабочего движения. На практике это означало, что французские социалисты заявили о своей готовности рассматривать вариант присоединения к Коминтерну. 9 марта руководство партии назначило редактора "Юманите" одним из двух делегатов СФИО, направляемых в Советскую Россию для налаживания контактов с руководством Коминтерна и РКП(б).

С какими же чувствами Кашен во второй раз отправлялся в Россию? Его дневниковые записи позволяют с достоверностью ответить на этот вопрос. Редактор "Юманите" сильно эволюционировал влево. "Лишенные революционного духа вожди социалистов, – записал он 29 мая, – ослабили боевой и наступательный порыв французского пролетариата. После всех войн француз стал добычей реакции, клерикализма и милитаризма"⁷⁰. В результате всех неудачных попыток сохранить единство II Интернационала оставался только один путь: прозондировать возможность вхождения СФИО в Коминтерн. Еще по пути из Франции Кашен сказал Фроссару, вместе с которым ехал в Москву: "Мне кажется, что мы обязательно присоединимся к III Интернационалу"⁷¹. Итак, будущий лидер компартии ехал в Советскую Россию уже убежденный в необходимости соглашения с большевиками.

Проделав за две недели путь через всю Европу, 14 июня 1920 г. эмиссары СФИО прибыли в Москву. Там французскую делегацию встретили неприветливо. Фроссар был настолько возмущен, что и через 10 лет после описываемых событий с нескрываемым раздражением восклицал в мемуарах: "На вокзале нас никто не ждал! Никому до нас не было дела!"⁷². Действительно, все лучшие силы аппарата Коминтерна были брошены на встречу делегации Итальянской социалистической партии, официально примкнувшей к III Интернационалу. Французам же таким образом дали понять, в каких условиях им придется вести переговоры. Впрочем, Кашен никак не выразил какого-либо недовольства отсутствием радушного приема. Он ждал официальной встречи с руководством Коминтерна.

16 июня французские делегаты впервые встретились с большевистскими лидерами на заседании ВЦИК в здании Большого театра. Кашен, взявший слово первым, пытался заранее упредить возможные выпады в адрес посланцев СФИО. Он говорил об историческом значении Октябрьской революции, называл французскую буржуазию самой реакционной в мире, а в финале речи попросил прощения за ее преступления против республики Советов⁷³. Но все это не смягчило тона ответных выступлений руководителей Советской России. Член Президиума ВЦИК Л.Б. Каменев заявил, что Кашену стоит извиниться "за тех руководителей французского рабочего класса, которые слишком долго были и остаются орудием проведения буржуазных взглядов"⁷⁴. С еще более резкой критикой обрушился на делегатов СФИО член президиума Исполкома Коминтерна (ИККИ) Н.И. Бухарин. "Мы считаем, – сказал он, – что все прошлое Кашена, а главное той группы, которую он представляет, не ошибка, а прямое преступление. И сейчас де-

⁶⁸ РГАСПИ, ф. 517, оп. 1, д. 16, л. 57–61.

⁶⁹ *Le Populaire*, 28.II.1920.

⁷⁰ *Cachin M.* Op. cit., t. 2, p. 405.

⁷¹ *Frossard L.-O.* *Jaurès à Lenine*. Paris, 1930, p. 49.

⁷² *Ibid.*, p. 52.

⁷³ *Правда*, 17.VI.1920.

⁷⁴ Там же.

ло состоит вовсе не в том, чтобы сказать, что простите, я ошибся, а чтобы на деле искупить ту кровь, которая, благодаря их поведению, была пролита здесь"⁷⁵.

Кашен выбрал путь уступок Коминтерну. Он старался не замечать агрессивного тона большевиков. Так, 19 июня он записал в дневнике: "Атмосфера сегодня была хорошей, нам оказали наилучший прием; нас окружал дух дружественности"⁷⁶. Вероятно, руководители ИККИ применяли двойную тактику, то выступая с упреками и угрозами, то используя примирительный тон. Руководство Коминтерна упорно оттягивало предьявление делегатам СФИО конкретного списка условий принятия их партии в Интернационал. Вместо этого Кашену и Фроссару весьма настойчиво предлагали остаться в Москве для участия в работе II конгресса Коминтерна, намеченного на июль. Логика большевиков была ясна: одним своим появлением на их конгрессе французские социалисты продемонстрировали бы всему миру курс на единение с Коминтерном. Принятие предложения российских товарищей выходило за рамки полномочий делегатов СФИО, и Кашен предложил отправить в Париж телеграмму с запросом о дополнительных полномочиях. Это предложение встретило сопротивление Фроссара. Тогда Кашен выразил готовность сделать запрос от своего имени⁷⁷. Генеральный секретарь СФИО пошел на уступки, и 4 июля Национальный совет партии абсолютным большинством голосов разрешил своим делегатам участвовать в заседаниях II конгресса Коминтерна⁷⁸.

Сразу же после открытия форума между Коминтерном и французскими социалистами начались разногласия. Камнем преткновения стал вопрос об исключении из партии Лонге и ряда других центристов, а также об осуждении СФИО своего социал-патриотического прошлого и ее перехода на позиции интернационализма. К концу июля позиция большевиков как будто бы смягчилась: они, казалось, соглашались допустить членство Лонге в партии⁷⁹. Компромисс наметился и по другому вопросу. В перерыве между переговорами делегаты СФИО нашли возможность поехать по стране и познакомиться с жизнью людей. Впечатления были неоднозначными. "В этой стране истинный хозяин и диктатор – Коммунистическая партия, – писал в своем дневнике Кашен. – Здесь нет никакой диктатуры пролетариата, здесь есть диктатура компартии. Но в условиях войны мне это кажется необходимым"⁸⁰.

Когда французские социалисты вернулись в Москву, на заседании комиссии по приему в Коминтерн ИККИ совершенно неожиданно выставил им жесткие условия. Теперь речь шла об исключении из партии ряда центристов, осуждении социал-патриотизма, а также об участии Коминтерна в комплектации руководящих органов партии и пересмотре редакционной политики "Юманите"⁸¹. Такого поворота делегаты СФИО никак не ожидали. В кулуарах конгресса даже прошел слух, что французы покинули Москву⁸². "Теперь очевидно, что все для нас поставлено под вопрос"⁸³, – записал 26 июля в своем дневнике Кашен. В течение следующих дней от французской делегации пытались добиться конкретных уступок, но никаких формальных обещаний Кашен и Фроссар большевикам не дали.

После двухдневных бесплодных совещаний с руководством Коминтерна делегаты СФИО отправились на родину. По пути домой Кашена обуревали смешанные чувства. С одной стороны, он не одобрял методов большевиков и писал в записной книжке: "Коммунисты – по сути своей крайние националисты. Они привержены идее Великой России"⁸⁴. С другой стороны, Кашен приходил к выводу, что путь, по которому следует

⁷⁵ Правда, 18.VI.1920.

⁷⁶ Cachin M. Op. cit., t. 2, p. 454.

⁷⁷ Frossard L.-O. Op. cit., p. 85.

⁷⁸ L'Humanité, 5.VII.1920.

⁷⁹ Cachin M. Op. cit., t. 2, p. 600.

⁸⁰ РГАСПИ, ф. 481, оп. 1, д. 1, л. 44.

⁸¹ Cachin M. Op. cit., p. 604–608.

⁸² Ibid., p. 609.

⁸³ Ibid., p. 610.

⁸⁴ Cachin M. Op. cit., t. 1, p. 461.

Советская Россия, в сложившейся ситуации остается единственно перспективным. "Факт очевиден, – отмечал он, – именно здесь обозначились новые методы и новая тактика; необходимо действовать в духе Москвы, так как именно она первой показала путь и уже выполнила половину задачи, причем половину наиболее сложную – разрушение режима господства денег"⁸⁵. Таким образом, французский социализм, по мысли, Кашена не имел другого выбора, кроме как идти за большевиками, сумевшими осуществить то, о чем европейские социалисты могли только рассуждать.

Во Францию редактор "Юманите" вернулся убежденным сторонником присоединения к III Интернационалу. В течение августа и сентября "Юманите" публиковала его статьи пропагандистского характера, посвященные поездке в Россию. Он исколесил всю Францию с целью популяризации в массах идеи вхождения в Коминтерн. Однако если рядовые партийцы все больше склонялись к единству с большевиками, то внутри руководства СФИО сразу после возвращения Кашена и Фроссара наметился окончательный раскол. На этот раз разделился центр. Условия вступления в Коминтерн, так называемое "21 условие", вызвали категорическое неприятие ряда видных лидеров Комитета за реконструкцию Интернационала, в частности Лонге и Фора. Их главные возражения касались требования перестроить отношения партии и профсоюзов, комплектовать руководящие органы СФИО с участием ИККИ, исключить из своих рядов ряд неугодных Москве социалистов. Ситуация накалилась еще больше, когда выяснилось, что Кашен и Фроссар привезли во Францию лишь 9 условий вступления в Коминтерн, а остальные 12 были приняты Конгрессом уже в их отсутствие и сообщены задним числом⁸⁶. Возмущенный Фор писал на страницах "Попюлер": "Если это действительно те условия, выполнения которых от меня требуют, то я отказываюсь под ними подписаться, как бы сильно я ни желал примкнуть к III Интернационалу"⁸⁷.

Центральный печатный орган СФИО стал главной трибуной для сторонников Москвы. В своих редакционных статьях Кашен усиленно агитировал в пользу Коминтерна. Представитель ИККИ во Франции В. Вуйович с удовлетворением отмечал, что редактор "Юманите" "на пути к тому, чтобы стать настоящим марксистом"⁸⁸. Иногда, правда, Кашен выдавал желаемое за действительное. Так, 15 октября он написал: «Интернационал призывает нас изучить практические способы (применения "21 условия". – А.В.); нам предстоит определить их в соответствии с нашей ментальностью, конкретными условиями и обстоятельствами»⁸⁹.

* * *

К 1920 г. французский социализм безусловно был в тупике. Его разрывали серьезные внутренние конфликты, и разрешиться путем компромисса они уже не могли. II Интернационал, воссозданный в 1919 г., оказался мертворожденной организацией – ему не под силу было покончить с острыми противоречиями, порожденными Первой мировой войной и русской революцией. В то же время в Советской России большевики начали осуществлять свой грандиозный проект по перестройке общества на социалистических началах. Вместо погрязшего в дискуссиях и спорах Бернского Интернационала они предлагали рабочим партиям всего мира принципиально новую организацию. Созданный ими Коминтерн поставил перед собой конкретные задачи и наметил конкретные способы их достижения. Методы большевиков не у всех вызвали положительную реакцию, но их стратегическая цель представлялась гораздо более важной.

⁸⁵ Ibid., p. 637.

⁸⁶ РГАСПИ, ф. 517, оп. 1, д. 17, л. 25.

⁸⁷ Le Populaire, 2.IX.1920.

⁸⁸ РГАСПИ, ф. 517, оп. 1, д. 15, л. 38.

⁸⁹ L'Humanité, 15.X.1920.

29 декабря 1920 г. на XVIII съезде СФИО в Туре была основана Французская коммунистическая партия, секция III Интернационала. С яркой речью на съезде выступил Марсель Кашен. Он говорил о русской революции. "Товарищи! – обратился Кашен к залу, – позвольте мне еще раз повторить: мы должны преградить путь поджигателям войны, сплотившись вокруг Русской революции, главной цитадели, противостоящей сегодня всемирной империалистической буржуазии!"⁹⁰. Его последние слова потонули в море аплодисментов. Это был звездный час Кашена.

Попав в бурный водоворот событий 1914–1920 гг., Кашен неоднократно менял свою позицию по ряду важнейших вопросов, но при этом он неизменно верил в будущее социализма и в неизбежный крах капиталистического строя. Кашен, безусловно, был человеком идеи. Он свято верил в будущее социализма и, как политик гедистской формации, отдавал этому полный приоритет, считая, что метод достижения конечной цели может меняться в зависимости от конкретной ситуации. Поддержка Священного единения и последующая его критика, борьба за единство партии и принесение его в жертву идее возрождения социализма в рамках III Интернационала, нападки на большевиков и в конце концов присоединение к ним – все это методы достижения главной цели, к которой он неизменно стремился. Возможно, именно поэтому "сердечный старик с седеющей головой старого моряка или усача-шахтера"⁹¹, как назвал Кашена один из руководителей Коминтерна начала 20-х годов, неизменно являлся кумиром трудящихся масс и навсегда остался одним из наиболее популярных деятелей французского социализма первой трети XX столетия.

⁹⁰ L'Humanité, 28.XII.1920.

⁹¹ Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. М., 2001, с. 202.